

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Великий П.П., д.филос.н., ИАГП РАН

В статье рассматриваются ресурсы социально-экономического развития села, особо выделяется хозяйственная самодеятельность сельских семей. Автор видит в ней способ удержать жизненную среду села от сокращения и распада. Сравнивая реалии израильских киббуц с хорошим колхозом, автор считает, что их лучшие образцы заслуживают более детального научного анализа.

Ключевые слова: семейное хозяйство, самодеятельность, интеграция, колхоз, киббуцы, сельскохозяйственные кооперативы, агрохолдинги, крупхозы, фермеры

ECONOMIC SELF-ACTIVITY OF RURAL FAMILIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Velikiy P.P., doctor of philosophic sciences, IAgP RAS

The article considers the resources of the socio-economic development of the village, especially the economic self-activity of rural families. The author thinks that it is a way to keep the life of the village from rural depopulation and decay. Comparing the realities of Israeli kibbutz with a good collective farm, the author believes that their best samples deserve more detailed scientific analysis.

Keywords: family economy, self-activity, integration, collective farm, kibbutz, agricultural cooperatives, agroholdings, large scale farm, farmers.

Хозяйственная самодеятельность соотносима с самодеятельностью людей в более широком плане, является ее частным выражением. Существует, например, понятие художественная самодеятельность, конкретизирующееся в разных видах непрофессионального творчества, которое может осуществляться как в учреждениях, так и вне их. Главный смысл самодеятельности – это проявление творческих потенций человека, которые имеет свой объект переработки, преобразования, внесение в него чего-то нового. Он может быть как материальным, так и духовным, и результат в первом случае также имеет вещественное выражение, т.е. будет представлен в количественных показателях (плуг вспахивает глубже или мельче – смотря по необходимости, земля более плодородна, курица несет покрупнее яйца и т.д.). Во втором случае результат духовно-практический имеет качественное выражение. Хотя не исключено и количественное измерение, например, в результате пребывания в группе людей, сосредоточенных на каком-то виде творчества и являющихся образцом, другие акторы самодеятельности становятся более образованными, получают дипломы или другие аттестационные документы.

Хозяйственная самодеятельность очень разнообразна по видам, интенсивности, степени формализации. Она охватывает огромное пространство ресурсов природы, на которые направлена энергия человека, его творческие усилия и рутинная работа. Одни виды остаются на любительском уровне, легко возникают и также исчезают (сбор грибов, ягод, трав), другие приобретают статус постоянного источника выживания, как например, достаточно большая пасека (от 20 и более ульев), кролиководство на подворье, многоотраслевое ЛПХ.

Хозяйственная самодеятельность, как правило, организована в неодинаковой степени жесткости. В одних случаях – на уровне разных союзов и объединений, участие в которых не носит обязательного характера. К ним можно отнести союз пчеловодов, садоводов, участников прикладных и народных промыслов, членство в которых не является обязательным условием, чтобы заниматься соответствующим делом. В других случаях (хотя для начала деятельности одобрения профессионального объединения не требуется), делом чести считается необходимость продемонстрировать участие хотя бы на уровне уплаты взноса (крупнотовар-

ное пчеловодство, начинающие фермеры). Еще один блок хозяйственной самостоятельности, как правило, связанный изготовлением продуктов бытового обихода и питания, которые находятся под контролем органов санитарного надзора, требует обязательного оформления юридического статуса на уровне либо предприятия малого бизнеса, либо индивидуального предпринимателя до начала деятельности.

Актуальные вопросы практик хозяйственной самостоятельности

Социально-экономический порядок в пореформенное время обусловил неравномерное развитие разных видов хозяйственной самостоятельности сельских семей. Если представить среднестатистическое село от 500 до 1000 жителей, то в нем можно увидеть следующую структуру форм занятости: от одного до трех человек, главы семей стали фермерами, возможно и функционирование крупхоза, с численностью работников от 30 до 100 человек. Именно такая численность характерна для 60% новых сельскохозяйственных укладов; один-два опытных механизатора с набором машин и прицепных орудий, востребованных односельчанами, хозяина торговой «точки» (нередко не члена сельского сообщества), в целом не более 10 -15% трудоспособных жителей. Для остальных наиболее приемлемой формой занятости осталось семейное хозяйство, ЛПХ – по официальному названию. В отличие от средних и мелких деревень, в которых ЛПХ не может в настоящее время приобрести масштаб, близкий к традиционному колхозному, в более крупном селе (взятом как типичное для всех возможных форм занятости) стали распространяться следующие образования. Во-первых, многоотраслевое ЛПХ, включающее всего понемногу: корову с молодняком, овец, свиней, птицу, овощи, картофель и т.д. Во-вторых, узкоотраслевое хозяйство, основой которого может быть молочное или мясное животноводство, кролиководство, пчеловодство, птицеводство, выращивание овощей и картофеля. Сюда же можно отнести и мастеров-полипрофессионалов, выживающих за счет работы на собственной технике по обеспечению за плату нужд сельского сообщества. Однако их может и не быть в селах, что обусловлено отсутствием полипрофессионалов, которые часто трудоустраиваются за пределами своего села на условиях маятниковой трудовой или вахтовой миграции (как трудовые отходники).

Статусный и содержательный аспекты ЛПХ постоянно привлекали внимание исследователей. У истоков советской социологии сельской жизнедеятельности стояли А.М. Большаков, А.И. Хрящева, М.Д. Кондратьев, В.А. Чаянов и другие. После длительного перерыва, только в 60-е годы социология села стала возрождаться (Ю.В. Арутюнян) (1968 г.), П.И. Симуш, В.И. Староверов, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина(1977 -2007 гг), З.И. Калугина, О.П. Фадеева, О.В. Нечипоренко, П.П. Великий, И.Е. Ильин, Р.Р. Салахутдинова, Ч.И. Ильдарханова, А.М. Сергиенко, А.Ю. Хагуров, Г.И. Широкалова, В.Г. Виноградский, М.Ю. Мореханова, А.М. Никулин и другие.

Семейное хозяйство, нелепо названное в ранне-советской реальности личным, имеет очень глубокую историю, причем не только российскую. Р.Зидер, анализируя семьи в Западной и Центральной Европе конца XVIII и XX веков, описывает типичный крестьянский двор, который включал: «маленький дом и маленький участок земли, позволявший содержать корову, пару коз, овец и другой мелкий скот»[1].

Автор отметил, что такое замкнутое хозяйство в горных местностях еще существовало до конца Второй мировой войны, а в ряде стран оно есть и в настоящее время.

Семейное хозяйство в России имеет особую, во многом отличающуюся от мировых традиций, историю и сущность. В течение длительного времени крестьянская семья, подчиняясь общинным правилам перераспределения земли, просто не могла узкие полоски («шнурки») засеять чем-то другим, кроме зерновых культур. Поэтому овощи, картофель, плодово-ягодные растения были на приусадебном участке, скот на подворье. В совокупности эти ресурсы (иногда и от отходничества в города) были единственными для выживания. С ними же крестьяне вошли в советскую реальность, получив на краткое время более крупные участки земли для хлебопашества, которые вскоре были отобраны в пользу колхозов. Подворье, хотя постоянно власть корректировала набор его составляющих, осталось у семьи.

Семейное хозяйство жителей села, получившее после коллективизации институализацию как личное подсобное, выполняло функцию не только компенсации недостаточной оплаты труда в колхозе-совхозе. Оно входило в образ жизни, по его добротности оценивали семью с позиции трудолюбия и благополучия. Действительно, требовалось немало усилий, чтобы совместить работу в поле или на колхозной ферме с заботами о своем огороде и животных на подворье. Трудовая нагрузка затягивалась не на 8, а на 12-16 часов, особенно в сроки, когда совпадали работы – во время заготовки кормов и уборки урожая. Так, по данным опроса в июне 1976 г. мужчины затратили в подсобном хозяйстве по 2,4 часа, женщины по 3 часа в день [2]. Поэтому при хорошей оплате в колхозном производстве ЛПХ сокращалось, при низкой оплате увеличивалось. Отсюда следовал вывод, что по мере улучшения условий жизни на селе и развития общественного сельскохозяйственного производства роль экономических функций ЛПХ будет снижаться, а социальной возрастать [3].

По существу это был анклав частной собственности внутри основного уклада – собственности общественной, поскольку его продукты семья имела право продать, обменять, дарить и т.п. И только идеологическими соображениями семейное хозяйство крестьян было поименовано как личное, а перспектива обеспечения благополучия их за счет хозяйства основного (колхоза, совхоза) добавляла еще один признак – подсобное. Эта идеологема вдохновила некоторых ученых-аграрников строить модели доведения семейного хозяйства до логического завершения – в виде декоративного оформления дома и подворья, т.е. полного его отмирания. Однако реальность и социалистическая и постсоциалистическая внесла поправки, в основе которых лежала ненадежность и нестабильность существования сельской семьи за счет общественно организованных укладов хозяйствования. Колхозники всегда, включая брежневский период относительной стабильности аграрного сектора, получали значительно меньшую оплату труда, чем рабочие в индустрии и строительстве. Подсобное хозяйство в этой ситуации выполняло функцию дополнения ресурсов семьи, чему способствовали практики льготного (иногда полукриминального) обеспечения кормами за счет общественного, колхозно-совхозного уклада. После реформирования колхозов в уклады рыночного характера некоторое время, не более 2-3 лет, сельские жители еще пытались сохранить привычные неколхозные практики. Однако вскоре рыночные законы обмена ресурсами взяли верх, семейные хозяйства резко сократились, не более 10% их сумели стать товарными. Другой причиной затухания семейных хозяйств стало изменение характера всего жизненного пространства села. Колхозники, будучи по своей сути наемными работниками, стали использовать опривыченные как внутрисельские каналы трудоустройства в крупхозах и у фермеров (хотя возможности резко сократились), так и внешние – в крупных городах, энергетических производствах Севера. Совмещать эти способы занятости с ведением ЛПХ оказалось трудной задачей и совсем потеряло для большинства позитивный смысл, поскольку на получаемые денежные средства стало возможным выживать, на вполне приемлемом уровне, по стандартам крестьянского этоса.

Другой причиной спада занятости семейным хозяйством стало увеличение в сельском населении доли старшей возрастной группы, которая в силу своего физического состояния уже не могла справляться с непреложными нагрузками, которые несомненно стали более разнообразными и сложными, чем в колхозное время.

Помощи в данной ситуации ждать им не приходится: ни крупхозы, ни фермеры в рамках норм институализации не несут ответственности за состояние сельской жизни. И если это происходит, то избирательно, для родственников тех, кто состоит в штате крупхозов, заслуженных ветеранов колхозного времени.

Итак, образ семейного хозяйства в России на начало XXI века изменился под влиянием не только условий ограничивающих самодвижение, но и через самодеятельность его активных агентов.

Модусы хозяйственной самостоятельности в сельском жизненном пространстве

Модус – термин, обозначающий обладание субъектом свойством, присущим ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях.

Он достаточно полно отражает и состояние процесса, в нашем случае хозяйственной самостоятельности, взятой как в ретроспективе, так и в современной реальности. Известно, что в годы ранне и средне-советского социализма при всей жесткости изъятия результатов труда крестьянства, государство освобождало колхозы от натуральных поставок и налога на пчеловодство. Это способствовало расширению данного промысла. И наоборот в годы борьбы с алкоголизмом, введение «сухого закона» привело к опустошению садов и виноградников. Еще раньше попытки Н.С. Хрущева перевести скот из ЛПХ в общественный сектор привели к резкому сокращению семейной хозяйственной деятельности по этой, традиционной отрасли. В годы введения рыночного порядка в аграрном производстве ослабление и полная ликвидация института сбытовой кооперации, куда можно было «сдать» излишки продуктов ЛПХ, и замена его агрессивными перекупщиками внесли свой негативный вклад в резкое уменьшение этого вида хозяйственной самостоятельности на селе. Но были и другие причины: исчез или ослаб канал поступления кормов для ЛПХ от крупхоза на льготных условиях, семьи уменьшались, так как наиболее активные и молодые их члены опривычили добывание ресурсов выживания вне жизненного пространства села. Однако не стоит жестко связывать модусы хозяйственной самостоятельности с колебанием «маятника внимания» государства.

Нередко даже в условиях ограничений, создаваемых властными структурами, хозяйственная самостоятельность находит некие лакуны реализации. Известны случаи, когда вопреки хрущевской директиве об отводе свиней из ЛПХ на колхозный двор, они в некоторых регионах Украины тайком размещались в выработанных карьерах.

Влияет и экзистенциальная составляющая, или мотивация к некоей деятельности, далеко не всегда диктуемая экономическими соображениями. Как написал один блогер (Евгений RU76): «Кто собирается привести на свое подворье корову – подумайте сто раз готовы ли вы пожертвовать своим временем, так как корове нужно внимание, уход, ей нужна *любовь хозяина*. Не стоит рассматривать корову только с точки зрения получения дохода – она и так вам даст доход, оплатит вам многократно за вашу любовь и вашу ласку» [4].

Итак, хозяйственная самостоятельность обладает модусными характеристиками. Когда исчезают предпосылки для приложения творческих сил к какому-либо виду деятельности она теряет содержание, остается только форма, ее название. Именно такая ситуация сложилась в мелких и средних деревнях, где живет в основном население старшего возраста. Хотя на подворье их есть помещения для скота, на все ЛПХ ограничивается небольшим количеством птицы, несколькими грядками овощей, небольшим участком земли под картофель. Хотя в новое время экономическая реформа представила более широкие возможности для ведения ЛПХ, такие как снятие ограничений на количество скота, увеличение земли до 1 га (полевые участки), земельные паи и создание фермерского хозяйства, однако такие ЛПХ уже не могут быть реанимированы даже до минимальных размеров, которые считались приемлемыми во все колхозное время: одна-две единицы крупного рогатого скота, несколько свиней и овец, птица, сад, огород.

Следует так же отметить: любая хозяйственная самостоятельность изначально сопровождается социальными ограничениями, задаваемые не только нормами права, но и правилами, среди которых важное место занимают нравственные критерии, опривыченные стереотипы поведения, разделяемые членами сообществ.

Российское общество стоит перед выбором – оставить сложившуюся модель функционирования аграрного сектора, создающей иллюзию успешности здесь и сейчас, вне связи с жителями села или перенести акцент на реализацию остатков сельского человеческого потенциала, имея в виду отдаленные, перспективные цели.

Последствия действующего сегодня подхода можно предвидеть, обратившись к попыткам собственников и менеджмента привлечь местных жителей, вчерашних животноводов к работе на ферме в первые два десятилетия от начала аграрной реформы.

Известен факт во Владимирской области несовпадения интересов хозяина (выкупил и восстановил помещения ферм, закупил дойных коров и др.) и местных женщин, не пожелавших работать доярками [5]. Как решил этот вопрос хозяин? Послал гонцов пригласить семьи из других областей, из бывших советских республик. Люди нашлись, в том числе не говорящие по-русски, так что даже подумывали о переводчике (благо нашелся такой среди мигрантов). Не такое ли будущее возможно для большинства территорий сельской России? Если территории с благоприятными природно-климатическими условиями, как Краснодарский и Ставропольский края, будут восполнять выбывающие кадры мигрантами из других российских регионов, то худшая перспектива у других регионов: их придется либо оставлять, как уже во многих местах, незаселенными, либо открывать дорогу мигрантам из зарубежных стран. В сельских местностях, достаточно заселенных коренными жителями, зарубежным мигрантам, как показало исследование в 2015-2016 гг., пока нет условий трудовой их занятости [6]. Крупхозы, как и фермерские хозяйства, как правило, узкоспециализированы и не могут предоставить рабочие места даже трудоспособным жителям своих сел (мест базирования), не говоря о мигрантах. И только некоторые из жителей (в основном пенсионеры) нанимают эпизодически таких мигрантов выполнить какую-нибудь работу на подворье.

В местах компактного расселения мигрантов складывается другая ситуация: в соответствии со своей национальной культурой они не столько возделывают землю, сколько сосредотачиваются на перепродаже продуктов ЛПХ русских деревень. Таким образом, разлад производственной и социальной сфер ведет село в тупик в его многостороннем измерении – и как источника репродукции продуктов питания, и как воспроизводства нации с сохранением ее культурного кода.

Исправление ситуации возможно по двум векторам: 1) сплошного, «коврового» охвата ресурсами жизненного пространства села; 2) поддержки преимущественно системообразующего элемента сельской среды. В первом случае средства и ресурсы направляются на создание учреждений социальной инфраструктуры или возврат их, если они были изъяты на основе ведомственной логики (оптимизация). Как оно могло бы осуществляться, и какие были бы результаты? Например, в деревнях от 51 до 100 жителей, как правило, отсутствует водопровод, нет лечебного учреждения, дома культуры, храма. В настоящее время в России количество поселений данного типа составляет 13,8%. Предположим, государство нашло бы нужные финансовые средства и кадры для исправления ситуации. Этого безусловно заслуживают люди, обитатели таких деревень. Но очевидно и другое: через 10-15 лет ведомства, ответственным за проведенную акцию, придется вновь проводить оптимизацию, потому что большая часть рассматриваемого типа расселения перейдет в статус «без населения». В дальнейшей обозримой перспективе первоначальному образу их последуют села плотностью в 100-500 жителей, судьба которых завершится со временем так же, как и двух предыдущих типов, т.е. они тоже могут стать поселением «без населения». Модернизация жизненной среды только подновлением социальной сферы, оправданная с позиции гуманистической, не спасет от исчезновения ни один из рассмотренных типов поселений. Поэтому восстанавливая элементы жизненной среды деревни в меру возможностей и ограничений бюджетов, следует задуматься над самой моделью развития села.

Все годы после роспуска колхозов к селу применялась модель того же смысла, что к предприятиям индустрии, любым хозяйствующим субъектам города, не считаясь с тем, что в сельской (в отличие от городской) среде человеку невозможно найти нишу функционирования, в случае неуспехов и банкротства организации, предоставившей ему рабочее место.

Сама институализация хозяйственной деятельности поощряет крупноиндустриальные формы, как это видно на примере агрохолдингов. Для действительного спасения села следует реализовать две взаимосвязанные модели: социальное – через экономику, экономика –

через социальное. Исторически эти модели реализовались в такой институализации как советский колхоз, а в настоящее время израильский кибуц.

Несмотря на справедливые оценки сути колхоза как зоны несвободного труда, продукты которого отчуждались государством, этот уклад, точнее образцы, созданные народной хозяйственной самодеятельностью, не привлекали внимания ученых-социологов и не обсуждались.

По аналогии с понятием «хорошее общество» (Федотова) применим для определения социохозяйственной общности, где труд, быт, общение, взаимоконтроль, солидарность специфичны, понятие «хороший колхоз». Его основные характеристики демонстрируют современные кибуцы, созданные по модели советских колхозов, но свободные от неэквивалентных обменов с государством, как это имело место в СССР. Но сущность кибуца и хорошего колхоза одна и та же – это ответственность каждого члена их перед сообществом за качество личной работы, за общие результаты деятельности, нормы поведения. В кибуцы принимают после 3-летнего испытательного срока, нет препятствий и для трудоустройства вне их, но установлено – половину зарплаты перечислять в кассу родной деревни [7].

Даже в годы сталинского жесткого отношения к крестьянству колхозники проявляли удивительной силы ответственности, сплоченного, дорожили достигнутыми результатами общего труда.

В первые годы после Великой отечественной войны не редкостью было сопротивление манипулированию властью их жизнью. Например, известен факт в Омской области по укрупнению колхоза: к колхозу хорошему присоединяли слабый, но с именем (названием) слабого колхоза, которое власть хотела сохранить у общего хозяйства. Колхозники хорошего колхоза спорили с представителем власти двое суток, не уходя с общего собрания. Аргументы сводились к тому, что, во-первых, их унижают, не ценят высокие результаты труда, во-вторых, ресурсы, созданные ими, переходят к плохо работавшему сообществу. Причем, это не выглядело как эмоциональный всплеск: сравнивались урожаи, надои, состав и состояние сельскохозяйственной техники, оплата труда.

В данном факте отразилось главное, что присуще социохозяйственному образованию, жизнедеятельность которого строится на кооперативных, артельных началах, содержит дух солидарности и общей ответственности – самых сильных ресурсов выживания и восходящего развития.

К сожалению, за четверть века с момента начала аграрной реформы деревня потеряла эти свои сущностные черты. Если сравнить собрание колхозников, например, по итогам выполнения годового плана, или по подготовке к весенним полевым работам со сходом жителей современного села, то увидим, что главное различие сводится к искреннему интересу к каждому вопросу в первом случае и безучастности – во втором. Ни урожаи, ни состояние техники, ни новации в агрокультуре большинству деревни сегодня не интересны. Иначе и быть не может, ибо все это лежит за пределами их ведения, находится в руках узкого круга лиц. Понятно, что такая расстановка действующих субъектов неорганична для деревни, так как большая часть трудоспособных жителей вытеснена из производства общественного. Те, кто все же получил рабочее место, стали наемными работниками, отчужденными от собственности и ее распределения. Впрочем, они утратили и ресурсы самозащиты конституированных через профсоюзные, партийные организации органов правопорядка и муниципальных органы, поскольку не обладают действенными средствами влияния на реальные ситуации. В тотальном надзоре за работающим человеком сейчас видится наиболее надежный источник активизации его трудовых успехов, хотя еще в начале XX века социология труда и опыт практик доказали несостоятельность данного подхода, как ведущего производство в тупик. И наоборот, предоставление свободы работающим (Хоторнский эксперимент) дал прекрасные результаты, поскольку резерв самоконтроля и ответственности более действенная сила организации, чем любой контроль. Однако это не сразу было понято социологами и капитанами капиталистической индустрии, и не случайно зарегистрированный факт повышения производительности труда попал в рубрику неизвестный фактор «X» (икс). Впослед-

ствии от этого явления началось развитие «теории человеческих отношений». Ф. Теннис видел в общности прообраз семьи, что звучит убедительно не только при рассмотрении ее в ретроспективе. Общность, объединенная общим делом, действительно схожа с семьей по солидарности, самоконтролю, взаимопомощи. Лишившись общего дела, общность распадается на автономные единицы (семьи) и теряет свой созидательный потенциал.

Итак, нужно реанимировать уклад «хорошего колхоза», который бы исправил ситуацию. Ему может быть дано разное название, но важно, чтобы он был способен формировать и поддерживать свой потенциал не вообще, а как в хорошем колхозе, в кибуце. Это не простая задача: дело в том, что в памяти общества закрепилось немало стереотипов колхоза как олицетворения отсталости, пьянства, воровства, небрежного отношения к технике и т.п.

Какие опасности (риски) поджидают хороший колхоз? Для ответа на этот вопрос обратимся к идеям А.В. Чаянова и Б. Бруцкуса, имея в виду не только их оценки потенциала артельной организации труда, но совпадение в некоторых чертах ситуации разных исторических эпох (конец 1920 и 2000 годов). Они в следующем: в обоих случаях в сельском пространстве наблюдалось разнообразие форм социохозяйственной организации, т.е. наряду с коллективными хозяйствами (коммуны, артели, колхозы, а с наступлением 30-х годов и МТС) оставались и частные семейные хозяйства, сохранившие огород и скот. Этот доколхозный этап функционирования российской агросферы в принципе воспроизведен после слома коллективного земледелия в 90-е годы прошлого столетия. В нем, как и годы НЭПа, содержатся капиталистические (мелкие, средние и крупные частнохозяйственные) и коммунальные элементы, которые представлены сельскохозяйственными производственными кооперативами. Кроме того остались и крестьянские семейные хозяйства, которые, как и в 20-е годы XX века, оказались никак не скооперированными с другими укладами. Появились и агрохолдинги, крупные образования, прототипом которых можно считать МТС, обрабатывающие земли крестьянских хозяйств и получающие 25-30% зерна (остальное отдавали крестьянам арендодателям пахотной земли) [8].

Однако при сходстве есть и различия. Во-первых, советская власть активно искала новые формы организации земледелия, т.е. реализовалась цель, наиболее полного извлечения ресурсов деревни для нужд страны, которая вылилась, к сожалению, в принудительное включение крестьян в колхозы. При иной расстановке сил в правящих верхах могли бы сохраниться и другие уклады. Оставляя в стороне это предположение, отметим, что и ученые и власть на начальном этапе активно искали пути включения всего человеческого потенциала села в производство сельскохозяйственной продукции. В настоящее время, точнее в течение почти 30 лет после шоковой терапии слома коллективных форм хозяйствования, цель поиска новых форм не ставится, хотя для значительной доли сельских семей участие в новых частнохозяйственных укладах оказались либо недоступными, либо нецелесообразными из-за низкой оплаты труда. Они предоставлены сами себе и в аграрной стратегии в отношении их не оказалось обоснованной целевой установки.

Во-вторых, сельчане не охваченные приоритетными укладами, даже при отсутствии иных институциональных ресурсов их поддержки, хотя и понизили уровень хозяйственной самостоятельности, но не утратили ее совсем. Относительно небольшая доля семей сосредоточилась на ЛПХ, нередко заменив им все другие, весьма немногочисленные варианты трудоустройства. В нормативно-правовом смысле они получили поле свободы очень значительное, о котором не могли мечтать крестьяне предсоветского и советского прошлого. Крестьянин-общинник зависел от общины, так как его земля время от времени попадала в передел, не кончалась зависимость от деревенского мира даже в том случае, когда он выделялся на отруба. В советские годы, при колхозном строе, поддержание жизни, сфера потребления требовали огромных усилий, по существу двойной нагрузки на колхозной и приусадебной работе. Иначе и не могло быть, так как оплата в колхозе была низкой, зато налоги чрезмерно высокими. Все это в прошлом, однако, и при самом большом масштабе свободы возникают специфические проблемы. Они связаны с механизмом скоординированного труда и кооперации разнообразных ресурсов, которыми естественно в неодинаковой степени обладают уча-

стники. Потенциал семейного хозяйства ограничен объективно из-за отсутствия в нем нужных материальных ресурсов и профессионалов разнообразной специализации. Значит, целесообразна кооперация с другими участниками хозяйственной самостоятельности. Семейное хозяйство, являющееся общим делом всех трудоспособных членов семьи и имеющих общую собственность, как доказал Ф. Теннис, не бывает эффективным, когда его принципы распространяются на локальную, а тем более на крупную общность. Отсюда следует, что новые, точнее реанимированные уклады, обладающие свободой, ответственностью и некоторой коммунарностью, в чем схожи с производственными кооперативами. Лучшие из них, опираясь на эти характеристики, и в новое время показали хорошие экономические результаты и человекосоразмерный жизненный уклад села.

При самоорганизации такой групповой формы организации труда важную роль играет подбор участников по самым разным основаниям, среди которых не последнюю роль играет психологическая совместимость, трудолюбие, отношение к общим нравственным нормам. Это подтверждено в российском АПК при формировании института бригадного подряда, который, впрочем, просуществовал недолго, будучи отброшен рыночными отношениями в их российском варианте [9].

«Хороший колхоз», как и кибуц, должен включать не всех, а только единомышленников, что ограждало бы от возникновения отрицательных черт этого уклада в прошлом:

Необходимо для этого использовать опыт других укладов, в частности такую форму организации производства, как фирма.

Заметим, что некоторые исследователи признаки фирмы распространяют и на ЛПХ (Р. Хизрич, М. Питерс), с чем нельзя согласиться, так как в нем отсутствует механизм взаимодействия отдельных партнеров, собственность является общей. Сплочению данного уклада может способствовать совпадение признаков с единоличным владением как в ЛПХ и фирмы, когда партнеры объединяют ресурсы (финансовые, трудовые, инвестиционные), распределяют риски и прибыль. К этому предрасполагает социальная среда села, где существуют свои группы по доверию, дружбе, совместным увлечениям.

Село, рассматриваемое как место поселения людей и как социохозяйственное образование, в разной степени, но неизбежно соприкасается с тенденциями мирового порядка, для которого характерны рост, ускорение развития, инновации. Эти процессы происходят уже сегодня: у фермеров и в крупхозах, фирмах агрохолдингов появляются новые, часто зарубежного производства, машины и разное оборудование.

Значительно слабее осваивают новую техносферу на своем подворье сельские семьи, хотя их вклад в создание фонда продовольствия высок, а по некоторым видам продукции превышает показатели фермеров и крупхозов. Из-за отсутствия трудовых и экономических связей с крупхозами занятые исключительно в ЛПХ испытывают нео-отчуждение, состояние, когда их проблемы никому в локальной среде не интересны. Налицо десинхронизация функционирования разных сфер сельской жизни, которая возникла из-за диссонанса смыслов разных акторов, действующих соответственно существующей институализации.

Возникают цепочки распада. Например, агрохолдинг, начиная деятельность на земле в пределах конкретного села, подгоняет количество сельских работников под размер площади угодий. Лишних увольняет. Менее трудоспособные сельчане остаются не у дел и вынужденно обустроиваются в других местах. Ротация получивших работу постепенно приводит к тому, что нужно принимать новые кадры, однако в такой деревне их уже нет.

С такими же вызовами сталкиваются фермеры и крупхозы. Отсюда следует, что, во-первых, необходимо преодолеть разрыв в понимании детерминации, учитывать влияние не отдельно структурных (объективных) характеристик и культурных (субъективных), а в их соединении, взаимовлиянии. Во-вторых, множественность вызовов, с которыми сталкивается агросфера, требует нового подхода к ресурсам активного влияния на действительность. Пока они связываются только с государственной помощью селу (лучше проектировать, выделять больше финансовых средств, готовить кадры и т.п.). Все это необходимо, но не дает пока интегрированных, непротиворечивых результатов. И это свидетельство того, что помимо госу-

дарственных нужно использовать и другие ресурсы общественной самодеятельности. В деревне пока есть с кем взаимодействовать – около 10% семейных подворий относятся к успешным, в них производится в 8-10 раз больше продукции, чем требуется такой семье. Остальное идет на рынок. Доля таких хозяйств могла бы быть увеличена, и пространство их деятельности также имеется, но им, как и всем другим категориям селян, не получившим рабочее место в крупхозе, нужны не отдельные акции аграрной политики, а более глубокий подход по активизации их влияния на действительность с помощью демократических регуляторов.

Список литературы:

1. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII и XX вв.). Пер. с нем. – М.: Владос. 1997.
2. Методология и методика системного изучения советской деревни. Отв. Ред. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. – Новосибирск: Наука, 1980, с. 138.
3. Методология и методика системного изучения советской деревни. Отв. Ред. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. – Новосибирск: Наука, 1980, с. 141.
4. Rlt 76 <https://fermer.ru/blog/193470/korova-na-podvore-delo-otvetstvennoe-257121>
5. Краснова В. Молоко с запахом росы // Эксперт, 2011, №38, 12-18 сект. С.38-50
6. Трудовые мигранты в российском селе. Под ред. П.П. Великого. – Саратов: Саратовский источник, 2015, с. 288.
7. Зотов Г. Колхоз по еврейски. Как горетка фермеров Израиля завалила страну продовольствием. АИЭ, №13, 28.03-2.04, 2018, с. 9
8. Никулин А.М., Троцук И.В. Вопросы коллективного земледелия в исследованиях школы А.В. Чаянови (1913-1933 г.) // Социс, 2018, №2, с. 98
9. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. [Монография] под ред. Ю.С. Воронова. – Саратов: Научная книга. 2012.